

Ильина Светлана Анатольевна

**СИМВОЛИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНА ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА
"ОБИТЕЛЬ"**

В статье анализируется символика сакрального пространства в романе Захара Прилепина "Обитель". Изучаются хронологические отношения, представляющие собой один из важнейших аспектов художественного своеобразия поэтики анализируемого произведения. В результате исследования обозначены особенности пространственно-временной организации романа "Обитель", которые, символически прочерчивая этапы выхода главного героя из святого хронотопа в профанный, глубоко раскрывают авторский замысел.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 22-27. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

смерти святого. Таким образом, рассмотренная топика столпничества в житиях двух русских святых свидетельствует об уникальности их духовного подвига в лике святости «преподобные».

Список источников

1. Афиногенов Д. Е. Жития святых: православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2008. Т. XIX. 725 с.
2. Грихин В. А. Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV-XV вв. М.: Издательство Московского университета, 1974. 64 с.
3. Димитрий Ростовский, свт. Память преподобного отца нашего Никиты Столпника // Димитрий Ростовский, свт. Жития святых: в 12-ти т. Киев: Изд-е Киево-Печерской лавры, 1998. Т. IX. Май. С. 704-709.
4. Ильинский П. В. Переяславский Никитский монастырь и его подвижник, преподобный Никита Столпник. М.: Melanar, 2005. 27 с.
5. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник // Ключевский В. О. Русская история: в 5-ти т. М.: Наука, 2001. Т. 4. С. 512-517.
6. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд-е 3-е. М.: Наука, 1979. 357 с.
7. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 7. № 16. XVI в. Житие и похвала Никиты Столпника.
8. ОР РГБ. Ф. 173. Т. IV. № 3. XVII в. Житие Саввы Вишерского.
9. ОР РГБ. Ф. 178. № 10292. XIX в. Жития и чудеса Саввы Вишерского.
10. ОР РГБ. Ф. 310. № 342. XVII в. Житие Никиты Переяславского.
11. ОР РГБ. Ф. 310. № 343. XVIII в. Житие, подвиги и чудеса прп. Никиты Столпника.
12. Основное собрание рукописной книги Российской национальной библиотеки (РНБ, ОСПК). Ф. 1.729. Сборник. XVII в. Житие Саввы Вишерского.
13. Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). СПб.: Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), 2006. Т. 57. С. 431-500.
14. Свирелин А. И. Житие преподобного отца нашего Никиты Столпника, Переяславского чудотворца, и описание святынь Никитского монастыря. Переяславль, 1886. 46 с.
15. Федотова М. А. К вопросу о Житии Никиты Столпника Переяславского // ТОДРЛ. СПб.: Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), 2007. Т. 58. С. 366-383.

**THE BASIC ELEMENTS OF HAGIOGRAPHIES OF THE RUSSIAN STYLITES:
SAINT NIKITA THE STYLITE AND SABBAS OF VISHERA
(BY THE MATERIALS OF THE MANUSCRIPT DEPARTMENT OF THE RUSSIAN STATE LIBRARY)**

Zinkevich Tat'yana Evgen'evna

*Manuscript Department of the Russian State Library, Moscow
temikh@yandex.ru; zinkeviche@rsl.ru*

By the materials of the Manuscript Department of the Russian State Library the article examines the peculiarities of the theme of stylitism of the Russian hermits – Saint Nikita the Stylite and Sabbas of Vishera. The hagiography of Saint Sabbas of Vishera was written in the second half of the XV century by famous hagiographer Pachomius Logothetes, the hagiography of Saint Nikita the Stylite was written at the end of the XIV – the beginning of the XV century by an unknown author. The paper for the first time compares these works from the viewpoint of stylitism. It is shown that asceticism of these saints has typical features which distinguish them from hagiographical canon. Along with the traditional hagiographical elements their hagiographies contain their own stable literary formulas. The researcher identifies the following thematic lines of stylites' life: blessing for stylitism, climbing the column, standing on the column, permanent wakefulness, overcoming "air pressure", continuous prayer, strict fasting, hesychastic prayer, saint's repose. The mentioned typical elements of stylitism topos allow considering stylites as a special type of hermits in the rank of saints.

Key words and phrases: hagiography; topos; stylitism; canon; saints; Saint Nikita the Stylite; Saint Sabbas of Vishera.

УДК 82-311.2

В статье анализируется символика сакрального пространства в романе Захара Прилепина «Обитель». Изучаются хронотопические отношения, представляющие собой один из важнейших аспектов художественного своеобразия поэтики анализируемого произведения. В результате исследования обозначены особенности пространственно-временной организации романа «Обитель», которые, символически прочерчивая этапы выхода главного героя из святого хронотопа в профанный, глубоко раскрывают авторский замысел.

Ключевые слова и фразы: Захар Прилепин; роман «Обитель»; пространство; хронотоп; новейшая русская проза.

Ильина Светлана Анатольевна, к. филол. н.

*Тамбовский государственный технический университет
Vaska24@yandex.ru*

**СИМВОЛИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
РОМАНА ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»**

Хронотопические отношения являются важнейшим элементом поэтики в произведениях новейшей русской литературы. Не является исключением и роман Захара Прилепина «Обитель», события которого разворачиваются

на территории бывшего Соловецкого монастыря, с давних пор являвшегося не только центром православия, но и форпостом Государства Российского на протяжении многих веков.

В конце 20-х гг. прошлого века Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь, национальная православная святыня, получив новое именование в виде тяжеловесной аббревиатуры СЛОН, становится местом заточения и растреления сотен людей – представителей практически всех социальных слоев. Как шуба, вывернутая наизнанку, с которой Мезерницкий сравнивает Российскую империю, обитель уродливо трансформируется в «монастырь наоборот».

Василий Петрович, один из героев романа, называет Соловки «странным местом» [4, с. 55]. Станный – значит «необычный, трудно объяснимый, вызывающий недоумение» [8, с. 796]. Этимология этого слова восходит к старославянскому языку, где оно образовано от слова «страна», которое в древнерусском языке имело значение «чужая страна, чужой народ» [10, с. 378]. В самом деле, пространство «монастыря наоборот» подобно целой стране – «необычной», «чужой», и в этой новой, якобы свободной «стране» главный герой Артем Горяинов пытается освоиться, выжить любой ценой.

Хотя место действия представляет собой пространство, которое обособлено, с одной стороны, территориально (это острова), с другой – социально (заключенные ограничены в своих правах и свободах), «Обитель», несомненно, обладает некоторыми чертами романа-путешествия: главный герой перемещается по просторам лагеря, попадая из одной роты в другую, посещая самые разные места. Это, с одной стороны, позволяет писателю всесторонне показать жизнь первого советского концлагеря, с другой – демонстрирует, как менялось душевное и духовное состояние главного героя на протяжении развития повествования.

Уничтожить в человеке, созданном «по образу и подобию Божию» личность творческой, существом духовным, не только божественное, но и вообще все человеческое, низвести его до уровня «человеческой скотины» – такова скрытая, но истинная цель Соловецкого лагеря. Даже в «ослаблениях режима» (театр, научная работа, спорт, газета и пр.) отсутствует малейшая свобода: человека лишают индивидуальности, «осащают», отнимая возможность обретения личности, т.е. уподобления «Тому, Кто есть носитель *Лица*» [1, с. 19].

Эта идея показана на разных уровнях произведения, один из них – хронотопический; он связан со многими персонажами, но основополагающую роль играет в романе главный герой – Артем Горяинов. Его путь в «монастырь наоборот» демонстрирует авторскую идею романа особенно глубоко и четко.

В начале романа возникают символические локусы, характерные для русского мира, – *лес*, где идет сбор ягод, и *дорога*, ведущая к монастырю.

Лес в русской культуре – место, в котором человеку неуютно, поскольку оно оторвано от дома, это «рубеж и начало “того света”» [2, с. 404]. В «Обители» это спасительный локус: здесь самый легкий наряд, нет конвоя, не слышно раздражающих криков чаек. Однако в лесу Артему некомфортно, тесно: «тоска зеленая» [4, с. 16] для него страшнее тяжелых нарядов.

С дорогой традиционно связывается «представление об изменении жизни и самого человека с изменением его положения в пространстве» [2, с. 220]. Из леса дорога ведет к обители, где Артему суждено пройти испытание на прочность – как физическую, так и духовную.

Для повествователя, пристально изучившего историю Соловецкого монастыря, важна география места; писатель очень внимательно и бережно относится к топонимике, четко обозначает границы сюжетного пространства.

В бывшем монастыре герой находится в 12-й роте, занимающей трапезную единостолпную палату бывшей соборной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы – точное название светлого места подчеркивает сакральность пространства, которое способно оказать мощную духовную поддержку в любой вариативной ситуации: в христианском мире Богородица почитается как Мать всех верующих, как помощница в бедах и заступница, которая своим послушанием Богу вернула людям возможность выбора между добром и злом. Успение Пресвятой Богородицы означает, что закончился земной путь Девы Марии и начинается Ее небесная жизнь, где она становится «Матерью Жизни, избавляя молитвами Своими от мук и смерти души смертных, вселяя в них Своим Успением живое предощущение вечной жизни» [5, с. 554].

Но символ таинства «причастия» превращен в «мерзость запустения»; в описании трапезной преобладает лексика с резко негативной окраской. Здесь Артем проходит обряд инициации – через физическую боль, угрозы и убийства, голод, сквернословие. Здесь стерты границы между высоким и низким. У людей нет ни жалости друг к другу, ни сочувствия; яркая деталь: покончившего с жизнью заключенного лагерника «ужасно материли за переломанный сон» [4, с. 93]. Артем называет 12-ю роту 12-й конюшной, псарней, скотобойней, мясорубкой.

Сюда он попадает из 13-й роты – карантинной, которая находится в Троицком соборе. И это сакральное пространство подчинено законам «монастыря наоборот»: в алтаре стоит параша, и никто из лагерников не в силах противиться этому обстоятельству. На святотатство не идет только один из заключенных – священник. Кажется, что его поведение восхищает Артема, однако на вопрос: «Что вы об этом думаете?» – главный герой отвечает: «Я думаю: дурак» [Там же, с. 68]. Лукавит ли Артем или в самом деле считает, что человек, руководствующийся голосом совести, поступает глупо, если это ведет к физическому дискомфорту?

Вскоре он и сам оказывается в ситуации выбора: подчиниться приказу конвоира или же, рискуя жизнью, отказаться от совершения безнравственного деяния, – когда получает наряд на снос старого кладбища: последнее пристанище погребенных монахов должно стать скотным двором. Замешательство и чувство вины перед усопшими у заключенных постепенно сменилось «восторгом святотатства» [Там же, с. 35]. Артем понимает, что совершил страшное, но раскаяния в содеянном нет: «Тряхнул головой и – забылся, забыл» [Там же, с. 36]. Забыть – одна из форм самосохранения героя, но такая модель поведения не способствует духовному совершенствованию.

С трапезной контрастирует «обустроенная» келья Мезерницкого; описывая ее, З. Прилепин делает акцент на деталях (*высокие беленые потолки, вымытое окно, белоснежная простыня, полочка с книгами, электрическая лампочка, иконка с лампадкой, на гвоздике серебряный крест, чистая пища, выметенный и свежесвымытый пол, сияющая подушка, чистая скатерть, фарфоровая собачка*), которые «одомашнивают» пространство, подчеркивают его обособленность, превосходство над другими локусами, отведенными для лагерников. Логично, что здесь Артем чувствует себя особенно комфортно. Так же комфортно ему и в келье Осипа Троянского, которая располагается на втором этаже Наместнического корпуса, что подчеркивает изменение статуса героя, его движение вверх по шкале «лагерной иерархии».

С пространством бывшей трапезной контрастирует монастырская больница – больничка. Здесь царит особая атмосфера исцеления. Символично, что именно в этом месте герой вновь встречается с владычкой Иоанном, который призывает Артема раскаяться, изменить отношение к жизни, к людям, предлагает ему искать ответы на все вопросы в Евангелии, но эту помощь герой категорично отвергает: «Грешишь – и спашешься, а праведное – ни на шаг над землей не поднимает, а тянет на дно» [Там же, с. 185].

Изменить Артема пытается и Галина, сотрудница ИСО, которая зовет Горяинова на «путь перековки», только здесь речь идет о спасении физическом. Символично, что если беседа с батюшкой Иоанном проходит в месте, созданном для исцеления, то предложение Галины стать доносчиком озвучено в ее кабинете. Он находится на третьем этаже (высота подчеркивает статус сотрудницы ИСО) и представляет собой комнату, при описании которой автор обращает особое внимание на такие детали, как огромный стол, тяжелая печатная машинка и шаткий табурет для посетителей – этот прием показывает незащищенность человека перед системой власти. Фреска с сакральным изображением на стенах больницы контрастирует с портретами Троцкого и Дзержинского, которые висят на стенах кабинета Галины. Изображения новых «святых» занимают не только вертикальное пространство, но и горизонтальное: портреты Ленина и Эйхманиса бережно хранятся на столе под стеклом. Кабинет Галины – одно из немногих пространств романа, где подчеркивается наличие порога (аналогично – келья Троянского, кабинет Бурцева, монастырская баня), и единственное, где дается его описание: обитый, затоптанный, из двух деревянных брусков. Эпитет «обитый» отсылает к фразеологизму «обивать пороги» – «настойчиво ходить куда-либо, неуклонно добиваясь чего-либо» [9, с. 400]. В кабинет Галины не приходят с просьбами; это место, где она добивается желаемого от людей, вызванных на допрос; о том, что таких людей много, сигнализирует определение «затоптанный». Порог – значимое место для сознания русского человека: это «символ границы между своим и чужим, нормативным и запредельным» [3, с. 61]. Пространство кабинета Галины – «чужое» для Артема: здесь он чувствует себя «мразью, пылью, подноготной грязью» [4, с. 304], осознавая, что находится в болоте – этот локус традиционно противопоставлен сакральным объектам.

Еще одно пространство – «чужое», страшное – управление лагерем, находившееся на причале. Расположение кабинета Эйхманиса в здании на берегу моря, т.е. на границе двух пространств, подчеркивает, что начальник лагеря может свободно перемещаться из одного места в другое. В переносном значении глагол «причалить», от которого образовано существительное «причал», означает «примкнуть, перейти на чью-н. сторону» [8, с. 606]. Возможно, здесь скрыто указание на то, что Эйхманис прочно «причалил» к большевикам; каждый, кто попадает к нему в кабинет, неизменно готов «причалить» к его убеждениям. В кабинете комфортно: он просторный, полный воздуха, на столе стоит графин с чистой водой. Кажется, что эти положительные маркеры указывают на то, что здесь можно если не найти истину, то хотя бы приблизиться к ней. Однако та «кристина», которую исповедует Эйхманис, не делает Артема лучше: общение с начальником лагеря делает его высокомерным, заносчивым. Поднявшись чуть выше по шкале «лагерной иерархии», герой сделал шаг вниз на пути духовного становления, ведь гордыня – первый и главный из семи смертных грехов, порождающий все другие.

Благодаря расположению начальника лагеря Артему удастся оказаться за пределами монастыря – на острове Малая Муксольма. Каждый остров архипелага представляет собой особый микромир; он подчинен законам монастыря, но тем не менее его разрушительная атмосфера не так сильна здесь. Путь в командировку начинается от сакрального места – водоосвятительной башни, откуда раздается святая вода для исцеления. Тем не менее inferнальная сущность начальника лагеря подчиняет себе Артема: герой приобретает бесовские черты (вспомним реакцию Троянского на перемены во внешности Горяинова).

Путь в Йодпром, куда Артем получает очередное назначение, повышающее его по шкале «лагерной иерархии», маркирован положительными символами: лес и ручей, который течет в Святое озеро. Располагается Йодпром в Филипповой пустыни и занимает здание, в описании которого заметна положительная окраска, дополненная емкими символами: «Поодаль дома стоял высокий *крест*, и под крестом – *колодец*» [4, с. 330] (курсив наш. – С. И.). Известно, что в монастыре кресты были важным элементом священной топографии: «Крест, являвшийся для христиан духовным символом, становился на Соловках вполне материальным, путеводным знаком спасения», выполняя функцию навигационного знака для мореплавателей [7, с. 119]. Колодец символизирует спасение, знание, истину, чистоту [6, с. 77]. Артем тоже ощущает сакральность этого пространства: напившись из колодца, он приветствует игумена Филиппа, чье имя дало название этому месту, но по-прежнему не желает исцеления, отказывается от помощи святых.

Филиппова пустынь становится одним из пространств встреч с Галиной. Эти встречи становятся регулярными; в качестве нового места для свидания героиня выбирает крышу Преображенского собора.

«Погорелый Преображенский» во все времена являлся оплотом веры. Галина отдает себе отчет, что находится в сакральном месте. Именно здесь, желая избавить «возлюбленного» от «окаменелого нечувствия»,

героиня, по сути, объясняет Артему его ограниченное мироощущение: «А у тебя ни желаний, ни мыслей. Твои мысли – твои поступки. Но и поступки твои все случайные. <...> Твоё понимание живёт отдельно от тебя...» [4, с. 379].

Благодаря Галине Артему удается посетить театр, который находится в «*бывшем* Поваренном корпусе *бывшего* монастыря» (курсив наш. – С. И.) [Там же, с. 387]. Лексический повтор подчеркивает дистанцированность СЛОНа от духовно-религиозной атмосферы Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря. Кажется, что во время представления границы между «гражданами» и «товарищами» размыты, однако статус власть имущих все же подчеркнут их расположением в боковых ложах и в первых рядах. Во время представления в зале «царило замечательное оживление – словно все сидевшие... собирались после занавеса сесть в трамвайчик, а то и на личный автомобиль, и отправиться куда захочется» [Там же]. Упоминание транспортных средств, отсылающих к жизни за пределами лагеря, контрастируют с атмосферой лагеря, что с особой эмоциональностью маркирует несвободное положение соловецкой публики.

По мысли Василия Петровича, пространство театра не ограничивается Поваренным корпусом: «Всё вокруг – старая пьеса!» [Там же, с. 394] – говорит он. Цитируя Евангелия от Матфея («Надо бояться тех, кто может и душу, и тело погубить в геенне» [Там же]), он пытается донести до Горяинова мысль о том, что главная задача Соловецкого лагеря – истребить в человеке человеческое, сломить не только физически, но и духовно, однако Артем не задумывается над словами своего бывшего товарища.

Новое пристанище Горяинова – Лисий остров: герой снова оказывается за пределами монастыря. Локус маленького острова – самое комфортное место на Соловках. Именно здесь Артем, обычно несклонный к самоанализу и размышлениям, начинает мыслить, задумывается о духовном, чувствуя, что он «разросся душой, все внутри стало будто на два размера больше» [Там же, с. 429].

Размышляя об Эйхманисе, возвышая его образ, Горяинов «втайне догадывался, что Эйхманис был старше... навсегда, на целую жизнь, на одну ампутированную душу, на один... ад» [Там же, с. 394]. Смысл этих слов Артем «взвесить не мог: ну, душа, ну, ад – положил одно слово на одну ладонь, второе на другую – веса никакого нет в них, ладони – пусты и мерзнут» [Там же]. Тем не менее бывшему начальнику лагеря Артем отказывает в наличии души, свою же – ощущает; более того, в его сознании рождается пугающий образ: его «жалкая человеческая душа сама себе вставила кольцо в губу – и бегаёт за тенью хозяина» [Там же, с. 431]. Артем добровольно следует за inferнальной сущностью и не осознаёт кошунственности своих мыслей, не отрицая при этом своей веры в Бога (это особенно заметно, когда герой противопоставляет себя Крапину).

С Лисьева острова главный герой вновь попадает в монастырь, образ которого становится еще более мрачным. Зловещий облик приобретает Преображенский собор: там происходит физическая расправа, лишаящая людей человеческого облика, превращающая их в животных. После пребывания в штрафном изоляторе Горяинов понимает, что он тоже мутирует, замечая «свою обезьянью, с кривыми и твёрдыми пальцами, руку» [Там же, с. 575]. В данном контексте невозможно не вспомнить роман З. Прилепина «Черная обезьяна», где это животное становится символом самых низменных желаний. В «монастыре наоборот» заключенных намеренно превращают в существ, лишенных духовности: замученные голодом, холодом, жестоким отношением, люди теряют человеческий облик.

В искаженном страхе сознания Артема Соловецкий монастырь трансформируется в «каменный тарантас на кривых колесах», который «несется с горы и сейчас ударится об ужасную твердь» [Там же, с. 465]. Этот образ символизирует крушение духовных ценностей под натиском «власти соловецкой».

Подтверждением этой догадки служит сцена в монастырской бане. Описание парящихся чекистов изобилует отвратительными натуралистическими деталями. Образ духовно деградировавших людей дополняется звучащей из их уст obscene лексикой. Чекисты подвергают Артема страшному унижению, заставляя заключенного смывать кровь с их сапог, которые становятся атрибутом вседозволенности власть имущих в тоталитарном государстве, символом пренебрежения к человеческой жизни.

Святые ворота, сделанные в виде шлема древнерусского воина (символ защиты), – еще одно пространство монастыря, сакральная суть которого переименована: они становятся своеобразным ориентиром на пути к месту расправы над Бурцевым, к месту захоронения трупов. Здесь же происходит встреча Артема с матерью, что становится испытанием для них обоих. «Чувство такта по отношению к жизни» не позволяет ему сделать тюремное пространство местом общения с матерью, а о сакральности места он не задумывается.

Интенсивность переживания героя передает описание его сна; однако в состоянии бодрствования о происшедшем герой размышлять не хочет: «Ты живой. И теперь будешь жить дальше», – говорит он себе [Там же, с. 477].

«Жить дальше» приходится в штрафном изоляторе. «Карьера» Горяинова терпит крах: в одночасье потеряв все привилегии, он попадает на Секирку – место, навещающее ужас на всех лагерников.

Секирная гора – это холм на Большом Соловецком острове, где расположен Вознесенский скит Соловецкого монастыря, а на его вершине – церковь-маяк. Лагерный быт оскверняет и это сакральное пространство: в холодной церкви вместо икон «голые нары»; в боковых приделах устроены карцеры, а в месте Святого жертвенника – параша; благодатный колокольный звон кощунственно превращен в «приглашение на казнь».

На входе в церковь лагерники обязаны «разуться и раздеться до исподнего» [Там же, с. 501]. Бесправность и незащитность положения заключенных мастерски показывается сравнением их с «украденными детьми в чужом доме» – это уподобление красноречиво передает атмосферу штрафного изолятора. Однако именно здесь Артем как никогда близок к духовному перерождению, неслучайно секирская церковь видится кораблем, а владычка Иоанн – его капитаном. Беседы с ним согревают душу Горяинова, кажется, всего один шаг –

и «самостийный зверь» [Там же, с. 521] исчезнет, стоит лишь Артему укрепить себя «словом Господним и верою в него» [Там же, с. 520]. Роспись, которая открывается герою на стене под известкой, является чудесным знаком, призванным укрепить его веру. Кажется, герой готов ступить на открывшийся ему спасительный путь.

Очередным испытанием для Артема становится смерть Афанасьева. Владычка Иоанн чутко улавливает происходящее в душе героя: «Не уходи под воду, милый мой, не погружайся во мрак, тут и так все во мраке», – говорит он [Там же, с. 540]. Но возможно ли выбраться из этого мрака?

Глубина переживаний Артема снова передается при помощи кошмарного сновидения: он уподобляется мизинцу, который «разрастался, пока не стал целым человеком», при этом «лицо его было – будто детский обескровленный ноготок» [Там же, с. 541]. Такая обезличенность, совместно с определением «детский», заставляет задуматься о беззащитности героя. Эпитет «обескровленный» усиливает ощущение безысходности ситуации, подчеркивая безжизненность, незащищенность, слабость Артема.

Этот кошмар сменяется другим, связанным с телом: Горяинову снится истлевающий труп человека, убитого пулей. Атмосфера сновидения отражает положение героя в литературной реальности; находясь в кошмарной тьме, во мраке, где истина в который раз остается для него хотя и видимой, но недостижимой, он выбирает жизнь «без креста и без хвоста».

Смерть владычки причиняет Артему сильную душевную боль: он вымещает свой гнев на лике святого, яростно уничтожая изображение. От пути к Богу, открывшемуся герою в церкви-маяке, Горяинов отказывается, и вместе с тем заканчивается его пребывание на Секирке.

Он вновь оказывается в монастыре, враждебная сущность которого подчеркивается сравнением с чадающей кухонной плитой, заставленной грязной и черной посудой. Не заполненные профанным сакральные пространства – Поваренный корпус и больничка доктора Али – возвращают тело Артема к жизни.

Монастырь не отпускает Артема: попытка побега оказывается неудачной, свет маяка призывает вернуться в лагерь. Герой словно движется по уже знакомому кругу: двенадцатая рота, карцер, секретариат в ИСО. И снова камера, только теперь сокамерники – бывшие чекисты, заклятые враги.

Исчезает характерное для Горяинова стремление «затаиться». Он с особым наслаждением наблюдает за тем, как один за другим исчезают в небытии чекисты, мучившие лагерников. В опустевшей камере он приходит к жизнеутверждающей мысли: «В меня возвращается человек – я так и не озверел. <...> Доброе дело сберегло мою душу...» [Там же, с. 680]. Герой прекрасно себя чувствует: «как и не было никакого лагеря за плечами, как будто не умерли здесь почти все, кого он знал» [Там же]. Эта авторская ремарка в один миг уничтожает иллюзию того, что герой изменился: несмотря на «доброе дело», в сердце нет жалости и сочувствия к другим людям; память его кратковременна: слишком быстро герой забывает товарищей по несчастью.

Новое пристанище Горяинова – «запретная» четырнадцатая рота, лишаящая возможности выхода за пределы монастыря. Артем все больше меняется и внешне, и внутренне; кажется, что он безразличен ко всему происходящему; так же отстраненно он рассуждает и о Боге: «Бог есть, но он не нуждается в нашей вере» [Там же, с. 689].

Внешний хронотоп романа передает основные этапы падения Артема в «бесовство». Инфернальное начало в «монастыре наоборот» вытесняет сакральное пространство, православную веру и святость; умножая свои грехи, герой не приходит к раскаянию, человеколюбию, пониманию смысла человеческого бытия. Чем выше он поднимается по шкале «лагерной иерархии», тем ниже опускается в духовном плане. Кажется, что СЛОН становится для Горяинова тем самым лабиринтом, о котором размышлял Осип Троянский: душа Артема заплутала в бесконечных запутанных переходах, Горяинов стал безликим, «измельчавшим». Но этот обезличенный, незаметный человек все же способен неожиданно для всех подняться на недоступную другим высоту, когда он едва ли не бессознательно решает спасти Захара ценой собственной жизни.

В эпилоге романа Артем вновь оказывается в ягодной бригаде. Ассоциации, которые теперь вызывает у героя обитель, характерны для «лесного жителя»: монастырь видится ему похожим на корзину. Символику можно было бы расценить как положительную, если бы из корзины не «торчали головастые, кое-где подъеденные червем грибы» [Там же, с. 745]. Лагерь калечит судьбы людей, наносит им раны – и физические, и душевные, оставляет «червивый» след в душе. Однако в финале романа «монастырь наоборот», кажется, начинает избавляться от инфернального засилья: колокольный звон ассоциируется теперь не со смертью, а с жизнью вечной: «Скоро раздастся звон колокола, и все живые поспешат за вечерний стол, а мертвые присмотрят за ними» [Там же, с. 746].

В итоге можно сделать вывод, что пространственно-временная организация текста романа Захара Прилепина «Обитель» указывает на то, что в национальном сознании русского человека Соловки, наряду с Крымом, Петербургом, Москвой, мифологизировались, стали общепонятным хронотопическим образом определенного способа «присутствия» человека в мире. В Соловецком лагере инфернальное начало не ощущается многими революционно настроенными людьми, и потому здесь царит атмосфера вытеснения сакрального пространства, православной веры и святости. Путь Артема в «монастыре наоборот» прочерчивает пространство выхода из святого хронотопа в профанный, демонстрируя тупик тоталитарной системы.

Список источников

1. **Ирзабеков Василий (Искандер).** Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. М.: Данилов мужской монастырь, 2016. 200 с.
2. **Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.** Словарь русской ментальности: в 2-х т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. А-О. 592 с.

3. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2-х т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. П-Я. 592 с.
4. Прилепин З. Обитель: роман. М.: АСТ; Редакция Е. Шубиной, 2015. 746 с.
5. Святославская Г. Н. Лексика современного русского православия: толково-энциклопедический словарь. СПб.: Контраст, 2016. 688 с.
6. Словарь символов / авт.-сост. М. В. Адамчик. Минск: Харвест, 2011. 224 с.
7. Столяров В. П. Духовно-символическое пространство сакральных комплексов России как объект национального наследия (на примере Соловецкого архипелага) // Ставрографический сборник: сб. статей / сост. и общ. ред. А. В. Святославского, А. А. Трошина; науч. ред. С. В. Гнутовой. М.: Древлехранилище, 2001. Кн. I. С. 113-130.
8. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: Дом славянской книги, 2009. 960 с.
9. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. М.: Астрель; АСТ, 2001. 720 с.
10. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Виктория плюс, 2004. 432 с.

THE SYMBOLS OF ARTISTIC SPACE IN ZAKHAR PRILEPIN'S NOVEL "ABODE"

P'ina Svetlana Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Tambov State Technical University
Vaska24@yandex.ru

In the article the symbols of the sacral space in Zakhar Prilepin's novel "Abode" are analyzed. The chronotopic relations, representing one of the most important aspects of the poetics artistic originality in the analyzed work, are studied. As a result of the research, the author indicates the peculiarities of the spatio-temporal organization of the novel "Abode", which, outlining symbolically the stages of the protagonist's exit from the holy chronotope into the profane one, reveal deeply the writer's intention.

Key words and phrases: Zakhar Prilepin; novel "Abode"; space; chronotope; modern Russian prose.

УДК 82.091

В статье анализируется творчество хакасского поэта, драматурга А. М. Топанова и якутского певца, поэта-самородка С. А. Зверева в тесной связи с их многогранной деятельностью и окружением с целью выявления и описания специфики национального образа мира. Выявлено, что оба поэта в своём творчестве активно обращаются к мифическим и фольклорным образам и мотивам, что закономерно, поскольку творческое сознание любого из них формировалось в среде естественной стихии родной культуры. Эмоционально-оценочное отношение авторов к отражаемым им событиям выражается через обращение к символическому мышлению этноса, к его неисчерпаемому духовному наследию, отраженному в мифологии и фольклоре.

Ключевые слова и фразы: национальный образ мира; Топанов; Зверев; мифология; фольклор; хакасы; якуты; поэзия; образ; мотив.

Майнагашева Нина Семеновна, к. филол. н.

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан
Nina_71@inbox.ru*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ ХАКАССКОГО ПОЭТА, ДРАМАТУРГА А. М. ТОПАНОВА И ЯКУТСКОГО ПЕВЦА, ПОЭТА С. А. ЗВЕРЕВА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00332.

Деятельность творческих личностей, истинных сыновей своего народа – якута Сергея Афанасьевича Зверева (1900-1973) и хакаса Александра Михайловича Топанова (1903-1959) – представляет собой значимые страницы в развитии национального искусства слова, неразрывно связанные с историей развития национальной культуры в целом. Как показывают целостное рассмотрение и анализ творчества каждого из них, их объединяет не только время, но и особый дух творчества, особая внутренняя энергия, направленная на созидание, сохранение и развитие не только художественного слова, но и национальной культуры в целом. На первый взгляд, это два разных художника, творивших каждый в своей области. С. Зверев – прежде всего, народный певец, непрофессиональный поэт-самородок, потому, вероятно, анализ его творчества отсутствует на страницах издания «Литература Якутии XX в.» [7]. А. Топанов же известен как один из основоположников письменной хакасской литературы, поэт, драматург, основатель драматического театра.

Цель нашей статьи – выявление и раскрытие специфики отражения национального образа мира в литературном творчестве хакасского поэта, драматурга А. М. Топанова и якутского певца-поэта С. А. Зверева. Под национальным образом мира мы понимаем комплекс этнокультурных образов и мотивов, отражающих специфику национального – специфику культуры народа как целостного явления. В процессе рассмотрения национального образа мира принципиальным для нас станет соотношение фольклорных и этнокультурных мотивов в художественном мире произведений этих авторов.